Шунейко А. А., Авдеенко И. А.
Mr. Alexandre A. Shuneyko, Mr. Ivan A. Avdeenko

ОСКОРБЛЕНИЕ КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ ФЕНОМЕН III: ОСКОРБЛЕНИЕ И АГРЕССИЯ – РЕЗКАЯ СМЕНА ТЕМЫ И СВЯЗАННЫЕ С НЕЙ ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕДУРЫ

INSULT AS A COMMUNICATIVE PHENOMENON III: INSULT AND AGRESSION – TOPIC BREAK AND TRANSFORMATIONAL PROCEDURES AS THE RESULT

Шунейко Александр Альфредович – доктор филологических наук, профессор кафедры «Лингвистика и межкультурная коммуникация» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: shuneyko@ya.ru.

Mr. Alexandre A. Shuneyko – D.Sc. of Philology, Professor, Department of Linguistics and Cross-cultural Communication, Komsomolsk-on-Amur Technical University (Komsomolsk-on-Amur, Russia); 681013, Komsomolsk-on-Amur 27, Lenin Av. E-mail: shuneyko@ya.ru.

Авдеенко Иван Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681003, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Кирова, 17. E-mail: iavdeenko@mail.ru.

Mr. Ivan A. Avdeenko – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian Language and Literature Studies, the Amur Humanitarian and Pedagogical State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 17, Kirov street, Komsomolsk-on-Amur, 681003, Russia. E-mail: iavdeenko@mail.ru.

УДК 81

Речевая агрессия – максимально широко распространенное коммуникативное явление, представленное во всех без исключения функциональных стилях и разновидностях национального языка. С речевой агрессией сталкивается постоянно практически каждый человек, вовлеченный в то или иное коммуникативное взаимодействие: в бытовом, деловом, научном общении, сферах СМИ, политики, шоу-бизнеса и т. д. Речевая агрессия может быть основой семейного уклада (живут как кошка с собакой), производства (ты начальник – я дурак, я начальник – ты дурак), политики (я вам покажу кузькину мать), взаимодействия между различными социальными группами (понаехали тут).

От количества речевой агрессии и характера реакции на нее напрямую зависит как настроение одного человека, так и деятельность всех коллективов различной сложности. Степень вовлеченности в сферу речевой агрессии определяет степень стабильности социального поведения носителей языка, а высокая вовлеченность является стимулом к поведению асоциальному. Именно поэтому она постоянно становится предметом бытового обсуждения, личностной и языковой рефлексии, производственных и судебных разбирательств, лингвистической экспертизы и нуждается в углубленном изучении.

Речевая агрессия активно изучается в рамках юрислингвистики [Юрислингвистика] и прагмалингвистики [Leech: 1986]. В первом случае рассматриваются состав и признаки форм языкового выражения оскорбления, клеветы и экстремизма, составляющих правонарушение или преступление. Во втором – речевая агрессия противопоставляется принципам организации конструктивного общения. Однако при таких подходах сущность явления речевой агрессии остается за пределами описания, что затрудняет его идентификацию: описание сводится к воспроизведению конкретных случаев, которые сами могут являться агрессией, но не представляют ее в целом. Следствием такого атомарного подхода в прикладном аспекте является то, что любое экспертное заключение по вопросам оскорбления, клеветы или экстре-

мизма, может быть оспорено, а в теоретическом – множественность интерпретаций и подмена общих характеристик частными проявлениями объекта.

По характеру своего проявления речевая агрессия может иметь две различные точки приложения: конкретную личность (лично направленная агрессия – «ты урод») или коллектив различной степени сложности (коллективно направленная агрессия – «вы все уроды»). Но это принципиально не меняет ее сущности. И в том, и в другом случае она изначально продуцируется одним человеком и воспринимается не коллективом в целом, а отдельными его представителями, приобретая характер массовой реакции (от роптания до истерии и столкновений) лишь при определенных условиях, связанных уже не столько с коммуникативными, сколько с социопсихологическими факторами. Это позволяет сконцентрировать внимание именно на лично направленной речевой агрессии.

В дальнейшем изложении в целях обеспечения единообразия и априорной узнаваемости явлений будут рассмотрены ситуации межличностного коммуникативного взаимодействия. При этом следует помнить, что все они экстраполируются на случаи коллективно направленной агрессии.

В этой работе критически рассмотрены различные подходы к описанию природы речевой агрессии и ее идентификации, дано ее сущностное определение как коммуникативного явления, выявлены механизмы ее воздействия и формы сопротивления ей.

В настоящее время в практике бытовой и юридической атрибуции форм речевой агрессии применяется ряд критериев. Эти критерии объявляются объективными, но при детальном рассмотрении оказываются субъективными и не позволяющими произвести строгую идентификацию. Кратко рассмотрим их.

Речевая агрессия в самом общем понимании – это проявление коммуникативного доминирования. Доминирование всегда чем-то мотивировано. Если объект доминирования соглашается с его правомерностью, то такое доминирование воспринимается как нейтральное: генерал командует дивизией, отец учит сына и т. д. Если же не соглашается, то такое доминирование воспринимается как агрессия. Но само согласие или несогласие объекта с доминированием нельзя считать объективным признаком агрессии, поскольку такое восприятие может быть адекватным или неадекватным. Если человек обиделся, это не значит, что его обидели, равно как и наоборот: если человек не обиделся, это не значит, что его не пытались обидеть. То есть, хотя доминирование – это признак речевой агрессии, это не ее абсолютный показатель, не единственный ее идентификатор.

Агрессией можно считать превышение норм доминирования, установленных самоорганизованными стереотипами. Но поскольку коммуникативные стереотипы амбивалентны [Шунейко, Авдеенко: 2011], объективного критерия нормы доминирования не существует. Невозможность применить критерий нормы доминирования усиливается тем, что каждый стереотип имеет противоположный стереотип, а также тем, что каждый коммуникант руководствуется в каждой ситуации произвольно отобранным стереотипом.

Речевая агрессия может определяться через несоответствие коммуникативным предписаниям. Однако коммуникативные предписания строятся на базе коммуникативных стереотипов, которые, как было сказано выше, амбивалентны и допускают вольную трактовку участниками ситуации. Например, один стереотип предписывает смягчать форму речевого выражения, а другой – говорить правду в лицо. При этом представления о степени мягкости формы выражения и содержании правды сугубо индивидуальны. Кроме того, нарушение коммуникативных предписаний не всегда ориентировано на реализацию агрессии. Так, командир батальона, называющий военнослужащих орлами, нарушает коммуникативные предписания, но не реализует агрессии. Наконец, речевая агрессия может реализовываться как внешне предосудительными отступлениями от коммуникативных предписаний, так и внешне положительными: подчеркнутая, акцентированная вежливость, слащавое сюсюканье воспринимается как агрессивный выпад.

Несоответствие коммуникативным предписаниям можно усматривать в нарушении дистанции. В этом отношении речевая агрессия состоит в вербальном выражении подчеркнутого увеличения или сокращения дистанции относительно эталона. Эталон дистанции определяется характеристиками статусов говорящего и адресата в конкретной коммуникативной ситуации. Статус же предполагает определенный набор допустимых обращений, возможных лексем и грамматических форм. Но при этом участники коммуникативной ситуации могут быть по-разному информированы о статусе собеседника, речевых средствах, допустимых при общении с ним, и об этикете в целом. Например, для рабочего номинация или обращение «мужик» являются допустимыми, нейтральными или уважительными, а для уголовника – оскорбительными.

Речевая агрессия может пониматься как нарушение коммуникативных ожиданий. В соответствии с пониманием характера ситуации каждый участник так или иначе представляет ее продолжение как логичное, стереотипное, закономерное следствие того, что в ситуации уже произошло. На эти представления оказывает влияние опыт участия в аналогичных ситуациях. Сам такой прогноз является одним из факторов, существенно определяющих состояние и меру стабильности участника ситуации. Несоответствие коммуникативных действий других участников этим представлениям может восприниматься как речевая агрессия. Например, руководитель кандидатской диссертации, который считает, что его дутого авторитета достаточно, чтобы совет проголосовал за бессодержательную работу, воспринимает голосование против как личное оскорбление. И действительно, агрессия, как правило, неожиданна, но при этом обман ожидания может быть связан не только с агрессией, но и с неожиданно быстрым достижением успеха, комплиментами, неадекватностью и т. д.

Степень тривиальности или изощренности оскорбления (как и комплимента) в коммуникативном плане могут порождать различные эффекты. Так, изощренное оскорбление может восприниматься как комплимент, а изощренный комплимент как оскорбление.

Частным случаем нарушения коммуникативных ожиданий, воспринимаемых в качестве речевой агрессии является жесткое, даже если выражено в мягкой форме, неожиданное для адресата вмешательство в личное пространство, при котором агрессор произвольно переключает внимание на себя или на адресата в тот момент, когда адресату это абсолютно не нужно. Например, высказывание из зала: «Да не слушайте этого вора!» во время выступления, посвященного благотворительности, воспринимается как реализация агрессии. Такая деформация стереотипно протекающего коммуникативного состояния адресата дестабилизирует его и стимулирует потребность в запуске нового сценария, изменении текущей стратегии и тактики. При этом реализуется коммуникативное доминирование: объект речевой агрессии вынужден строить свое дальнейшее речевое поведение не в силу собственных потребностей, установок и т. п., а в силу навязанных агрессором условий. Однако, с другой стороны, нарушение личного пространства может быть связано с проявлением симпатии. Так, выход зрителя на сцену во время исполнения оперной арии и попытка обнять исполнителя, нарушают коммуникативные ожидания относительно личного пространства, однако не связаны с агрессией.

Другое проявление нарушения коммуникативных ожиданий, воспринимаемое как речевая агрессия – выраженное в той или иной форме отрицание эталонной свободы человека на реализацию права быть полноценным, неподконтрольным участником коммуникативной ситуации. Такое отрицание содержится, например, в устойчивых выражениях: «Чья бы коровы мычала, а твоя бы молчала», «Если хочешь со мной разговаривать, стой и молчи», «Молчать, я тебя спрашиваю!». Однако квалификация ограничительных действий как речевой агрессии осложняется субъективностью границы между свободой и произволом, а также наличием у некоторых участников ситуации права ограничивать свободу высказывания, например, у спикера, председателя и т. п.

Самым распространенным в экспертной практике критерием является критерий отрицательной оценочности высказывания. При этом отрицательная оценочность обычно связывается с использованием пейоративной лексики, цензурной и / или нецензурной. Но, с одной стороны, перенасыщенные отрицательной оценочностью компоненты часто являются проявлением фамиллярных и интимных отношений. И в то же время элементы с нулевой или внешне положительной оценкой могут использоваться для оскорбления. Непосредственно в форме выражения агрессии нет никаких специфических языковых признаков, поскольку она может использовать любые средства. Например, в современной подростковой среде обращения «дебил», «сучка» часто считаются стандартными, безоценочными, дружескими, а выражение «Ты что, самый умный?» – выражающим агрессию. Классический пример, в котором языковая единица с отрицательной оценочностью выражает не агрессию, а восхищение – высказывание А. С. Пушкина по поводу собственной гениальности: «Ай да Пушкин! Ай да сукин сын!». Сложность квалификации использования отрицательно оценочной языковой единицы как речевой агрессии осложняется тем, что пейоративная лексика устойчиво используется в различных практиках, связанных с бытовой магией, например, в текстах оберегов, в назывании ребенка «засранцем» и т. п. Наличие у языковой единицы отрицательной оценочности определяется носителем языка исходя из собственного, индивидуального коммуникативного опыта. Кроме того, оценка личности (как отрицательная, так и положительная) выражается всеми речевыми формами, используемыми при разговоре, и выявляется в их совокупности. При этом отдельно взятые языковые единицы могут такой оценки не выражать. Например, использование специальной терминологии в разговоре с человеком способно выражать положительную оценку, а «разговорный перевод» того же – отрицательную.

Все приведенные выше суждения о речевой агрессии являются по сути верными, но в то же время они не дают возможности дать ее развернутое сущностное описание, рассмотреть типовые для нее коммуникативные явления и строго формально однозначно ее идентифицировать. Кроме того, все эти суждения могут использоваться источником агрессии или его защитником в качестве оправдательных факторов, потому что каждое из них может быть оспорено ссылкой на особенности речевого поведения агрессора, знание им этикета, степень его коммуникативной компетентности и т. д. Например, «он всегда так говорит», «он не обучен хорошим манерам», «его так воспитали», «в армии все матерятся», «он русским языком почти не владеет» и т. п. Следовательно, учет только названных критериев ни к чему, кроме дискуссии относительно агрессивности или неагрессивности того или иного речевого действия, привести не может.

Формальным критерием для квалификации коммуникативного явления как речевой агрессии является резкая смена темы. Однако если говорить о смене темы как формальном признаке речевой агрессии и характеристиках этой смены, необходимо различать три позиции: позицию стороннего наблюдателя, позицию объекта агрессии и позицию речевого агрессора. Для объекта агрессии и для стороннего наблюдателя такая смена темы неожиданна, не представляется вытекающей из логики разговора. Агрессор же считает резкую смену темы единственным закономерным продолжением разговора. В этом смысле коммуникативный конфликт возникает не из отрицательной оценочности высказывания, а из столкновения противоположных прогнозов относительно продолжения разговора. Объект речевой агрессии понимает любую резкую смену темы как обвинение в неадекватности, непонимании им сути и логики происходящего.

Агрессивную сущность резкой смены темы подтверждает тот факт, что человек, вынужденный по тем или иным причинам резко поменять тему разговора, но не желающий выглядеть в глазах других участников коммуникации агрессором, обязательно предварительно извиняется и / или комментирует свое действие. Извинение и комментарий могут использоваться и участником, который демонстрирует агрессивное речевое поведение, но в этом случае они направлены не на смягчение перехода, а на усугубление деструктивного эффекта. То

есть неагрессивная смена темы предполагает обязательные метатекстовые включения в прямом значении.

Основной характеристикой агрессивной смены темы является то, что при ней отрицается сама возможность возврата к предшествующему течению разговора. Отметим, что даже в случаях радикальной, но не агрессивной смены темы участниками разговора или посторонним лицом это не препятствует возврату к предшествующей теме. Например, в случае, когда в разговор вклиниваются посторонние темы: «Кто кошелек потерял?», «Петров здесь?», «Пожар!», возможность возврата не отрицается. Более того, при нормальном течении коммуникации такой возврат всегда осуществляется. Противоположная картина наблюдается в случаях с агрессивной сменой темы: «Да что с тобой разговаривать!», «Идиотизм какой-то!», «Мне все ясно, я пошел» и тому подобные высказывания ставят на дальнейшем развитии предыдущей темы жирный крест.

Невозможность возврата к предшествующей теме в случае агрессивной смены темы отмечается и законодательно. Так, ст. 258 УПК РФ дает судье право перенести заседание в случае оскорбления кем-либо из участников другого участника заседания.

Таким образом, у агрессивной смены темы три основные характеристики: отсутствие мотивации, отсутствие извинения или комментария и отсутствие возможности возврата к предшествующей теме.

Агрессивную смену темы следует отличать от ее интенсивного сворачивания, перевода в другое русло или соскальзывания с нее. В случае интенсивного сворачивания также присутствует элемент речевой агрессии, но она лишь косвенно может быть направлена на участника, участников или третьих лиц, а по сути, ориентирована на содержание самой темы: «Сколько можно об этом говорить?», «Закрыли тему», «Давайте не будем об этом», «Все, хватит! Пока еще я здесь начальник». При переводе в другое русло меняется не тема, а характер ее обсуждения: с монолога на диалог и, наоборот, с апологетики на критику, с содержания на форму и т.п. Соскальзывание происходит непреднамеренно и определяется не столько отношением к теме или участникам разговора, сколько затруднениями с ее продолжением.

Все остальные характеристики речевой агрессии могут восприниматься в качестве таковых, только если они сопутствуют агрессивной смене темы с присущими ей особенностями.

Чаще всего агрессивная смена темы переводит разговор в сферу личностных характеристик. В этом смысле любая немотивированная предшествующим контекстом, внешне положительная, нейтральная или отрицательная, прямая или косвенная оценки человека по профессиональной принадлежности, физическим качествам, полу, росту, весу, национальности, политическим взглядам, речевым особенностям, форме носа, глаз и так до бесконечности является оскорбительной для любого носителя называемого признака.

В любой формулировке, при использовании любых семантических комплексов речевая агрессия связана с рядом трансформационных процедур, которые меняют представление о коммуникативной ситуации. К ним относятся: упрощение, оборотничество, концентрация, типизирование, доминирование, сакрализация. Эти трансформационные процедуры присутствуют далеко не только при речевой агрессии, но их описание при характеристике речевой агрессии необходимо, поскольку позволяет представить рассматриваемое явление с большей степенью детализации.

Упрощение проявляется в том, что все многообразие характеристик, которыми обладает человек, сводится к одной, в том числе комплексной, произвольно замещается ею. Например, называние носа человека шнобелем навязывает исчерпывающее объяснение физическими и национальными характеристиками всего поведения человека, всего сказанного им, всего многообразия его возможных последующих действий.

Упрощение стремится заместить сложное элементарным. Выделенная в ходе упрощения характеристика может быть соответствующей реальности или надуманной, быть положительной, нейтральной или отрицательной. Вне зависимости от этого сама декларация

мысли, что человек как сложно организованное существо и его действия сводимы к подконтрольному примитиву, при указанных выше условиях оскорбительна, так как отрицает его природу и противоречит внутреннему мнению практически любого лица о себе.

В результате упрощения происходит аннигилирование человека как такового. Остается только его признак, функция, действие, абсолютизированные другим лицом.

Оборотничество проявляется в том, что коммуникант воспринимается не как данный, а как совершенно иной объект. Этот объект может быть существом, предметом и т. д. Например, учителя физкультуры называют селедкой, учителя труда – рашпилем, различных ректоров университетов – притырком, фантомасом, бабой, Шреком, начальника отдела кадров – Пиночетом, декана факультета – Вампирой Людоедовой. Сюда же относятся распространенные оскорбления типа козел, овца, баран, сучка, валенок, пень и т.д. Такая переноминация вовсе не обязательно предполагает наличия внешнего или внутреннего сходства, метафорического переноса.

Оборотничество переносит человека из одной реальности в другую. В результате объект номинации объявляется представителем другого мира, а следовательно, становится чужаком, ненужным, лишним, нелепым, не имеющим права свободно функционировать в мире нормальных людей. Одновременно он обвиняется в наличии связей, отношений с объектами другого мира и своеобразно ментально депортируется в сферу себе подобных объектов. Ему отказывается в доступе к связям, продуктивной коммуникации, взаимодействию и вообще в присутствии среди нормальных людей. В этом случае действует принцип: если тебя назвали селедкой, ты должна плавать в море, если пнем – стоять в глухом лесу.

В результате оборотничества человек выводится за рамки представлений о нормальных людях и о людях вообще. Ему отказывается в праве называться, считаться и быть человеком.

Концентрация проявляется в том, что все внимание сосредотачивается на одном признаке конкретного человека. Обычно коммуникативное внимание равномерно или неравномерно распределено на несколько объектов. В данном же случае оно без вариантов и отвлечений сфокусировано только на одной черте одного человека. Такая фокусировка принципиально меняет характер ситуации: участник ситуации перестает быть таковым и становится единственным объектом обсуждения. Из активных деятелей он переводится в разряд пассивного нечего. Это меняет характер взаимодействия объекта речевой агрессии с другими компонентами коммуникации.

В привычной ситуации любой человек невольно ощущает опору в окружающем его коммуникативном контексте, который позволяет ему в затруднительных или неприятных ситуациях переключиться на те объекты, которые в этом контексте находятся, и тем самым уйти от неприятной ему темы. Так многие и делают, переключая разговор, например, на погоду, в тот момент, когда он становится некомфортным. Контекст поддерживает самоописание и самовосприятие человека, позволяет ему идентифицировать себя в окружающем мире, находиться в равновесии с миром и ощущать потенциальную стабильность. Если плохо, то можно позвонить другу, если потерял равновесие, то можно схватиться за какой-то предмет. Концентрация лишает человека опоры, делая его пассивной частью контекста, в рамках которого он актуально присутствует.

В результате у человека нивелируется способность к адекватной самооценке, он лишается всех коммуникативных прав, свобод и возможностей, оказывается в сфере сомнений относительно правильности собственного самоописания. Это парализует его способность возражать, отстаивать свою самобытность, целостность и ценность, поскольку предмет разговора этого делать не может.

Типизирование проявляется в том, что для номинации человека используется прямое или переносное наименование категории людей, объединенных неким признаком. Любой человек относит себя к одной или нескольким категориям людей, номинации этих категорий он использует в самопрезентации. Кроме того, любой человек определяет для себя катего-

рии, в которые он хотел бы входить, а также категории, с которыми он не хотел бы иметь ничего общего. Последние категории обычно отрицательно оцениваются в рамках культуры, их представители воспринимаются как недолюди, неправильные, возникшие по ошибке природы, чуждые обществу изгой.

Любой человек воспринимает себя как существо оригинальное, уникальное, сочетающее в себе множество признаков. Поэтому каждый человек ощущает дискомфорт в том случае, когда его оригинальность, уникальность и т. д. как-либо заметно ограничиваются. Это относится как к отрицательным, так и к положительным характеристикам, включающим человека в некую обобщенную категорию. В случае с положительно оцениваемыми категориями дискомфорт вызывает многократное отнесение к категории в ограниченном небольшом временном промежутке без пауз и мотивации, поскольку такой повтор создает ощущение искусственности, неискренности. У адресата складывается впечатление, что на него смотрят как на некий шаблон, схему, образец, а не как на человека. В случае с отрицательно оцениваемой категорией дискомфортной является и одиночная номинация при несоответствии предпочтениям адресата в данной ситуации. Если человек надеется, что его не отнесут к данной категории, а его отношение к этой категории озвучивается, то он ощущает себя ущемленным. Если же он надеется, что в данной ситуации его отнесут к некоторой категории, пусть даже отрицательно оцениваемой, и это отношение озвучивается, то такого не происходит.

В результате типизирования стирается индивидуальность адресата. С одной стороны, стирание индивидуальности связано с включением человека в состав асоциального меньшинства, приписыванием ему свойств ненормальности, характерных для негативно оцениваемой категории. С другой стороны, типизирование приводит к тому, что адресат представляется как воплощение всего набора отрицательных характеристик, свойственных категории людей, к которой он отнесен. Адресат становится ситуативным фокусом враждебного взаимодействия между нормальными и ненормальными людьми, поэтому все рассредоточенное неприятие асоциальной категории сконцентрируется на одном человеке. Кроме того, исключение из социума номинально лишает адресата права на защиту, которое социум дает своему представителю: правила хорошего тона, нормы общения оказываются неприменимыми к отнесенному к асоциальной категории человеку. Чувство незащищенности повышает степень уязвимости и снижает меру противодействия, поскольку оскорбленный оказывается не один на один с оскорбителем, а один против всех. Коммуникативный шок парализует способность к адекватному взаимодействию. Это выражается во внешних признаках, обычно приписываемых людям с ограниченными умственными способностями, что создает у окружающих иллюзию правомерности типизирования и еще больше усложняет ситуацию для объекта речевой агрессии.

Доминирование проявляется в полной безапелляционности мнения говорящего, он выступает как оракул, имеющий право раздавать оценки от имени общества. Говорящий не столько ставит себя выше нормативного поведения, принятого в социуме, сколько показывает, каким должно быть это поведение. Это может осуществляться за счет абсолютизации отдельных стереотипов, например, говорить нужно только правду, выражать свое мнение нужно прямо в лицо и четко, не следует лицемерить и бояться последствий прямого выражения оценки. При этом оскорбитель игнорирует противоположные стереотипы, компенсирующие односторонность избирательных оценок кооперативного поведения. Он доводит коммуникативные предписания до абсурда, в результате чего они становятся своей противоположностью. Восприятие стереотипов как истин дает ему силы, является доказательством его права на доминирование. Речевой агрессор считает себя главным хранителем таких прописных истин, что избавляет его от необходимости быть адекватным ситуации, учитывать интересы других участников коммуникации, сомневаться в собственном видении процесса общения. Как это ни парадоксально звучит, поправление норм и традиций в данном случае заложено в самих нор-

мах и традициях. Поэтому он ничего не боится и никто ему не указ. Он показывает свою силу самим фактом того, что он режет правду-матку.

Большинство людей хотят ощущать себя равноправными и свободными, что выражается во множестве стереотипных принципов, таких как все перед Богом равны. Ориентиром при оценке степени своего равноправия для них являются либо люди вообще, либо группа людей по отношению к какому-либо доступному ей уровню власти, главенство которой этой группой признается. Считает ли человек себя подчиненным дворнику, начальнику, правительству или Богу, в принципе, значения не имеет, потому что он всегда входит в обозримую группу людей, с которыми он равен и по отношению к которым он свободен. Если демонстрирующий доминирование участник ситуации не входит в состав тех, кто признается доминирующим, такое поведение отрицает факт равноправия, переводит человека, ставшего объектом речевой агрессии, в разряд зависимых, лишенных свободы действий, противопоставленных всем остальным.

Кроме того, большинство людей считает себя адекватным культуре, правильно понимающим смысл и соотношение ее норм, находящимся в гармонии с ними. Действия оскорбителя отрицают это представление, указывают адресату на то, что он неадекватен, не имеет представления о культуре, в рамках которой живет, в силу чего чужд этой культуре, находится вне ее принципов, а значит, обязан внимать агрессору, подчиняться и безоговорочно принимать его оценки.

Поскольку доминирование реализуется с опорой на стереотипы, адресата агрессии угнетает не только перевод его в разряд изгоев, но и тот факт, что изгоем он становится в соответствии с правилами, которые сам же признает и относительность которых не понимает. В результате доминирования у адресата парализуется воля к сопротивлению, он попадает в состояние шока, поскольку то, о чем он не задумывался, считал само собой разумеющимся, подвергается ревизии. Взвешенно оценить сущность, содержание и последствия происходящего в рамках ситуации он не успевает или вообще не может.

Сакрализация проявляется в двух аспектах. Во-первых, агрессор озвучивает новое имя объекта оскорбления, то есть, по сути дела, производит акт переименования. Во-вторых, при оскорблении может быть использована табуированная лексика. При конкретном оскорблении два этих аспекта могут быть совмещены, поскольку второй уже сам по себе предполагает наличие первого. Но первый аспект может выступать также и отдельно.

Сам акт наделения именем, вне зависимо от того, производится он с целью оскорбления или нет, сакрален, потому что устойчиво связан с актом творения. Давая человеку новое имя, агрессор репрезентирует его в качестве нового объекта и тем самым претендует на пересоздание его отношения с миром. Предыдущий статус человека представляется как подлежащий отмене. Оскорбление выступает как акт инициации с противоположным знаком, то есть как разжалование или лишение гражданских прав. Объект оскорбления выводится из бытовой ситуации и помещается в новую для него ситуацию, свойства которой он ощущает (по крайней мере, как что-то очень серьезное, имеющее далеко идущие последствия), но не понимает, логически не оценивает. Он чувствует, что должен всеми силами сопротивляться, поскольку если оскорбительная номинация «прицепится», от нее невозможно будет отделаться, как от клейма. Это ощущение, даже если оскорбление нанесено с глазу на глаз, свидетельствует о том, что переименование воспринимается как действие, обладающее исключительными (энергетическими или сакральными) характеристиками и способное иметь долгосрочные необратимые последствия по принципу как один раз назвали, так все и всегда будут воспринимать.

Использование табуированной лексики выводит коммуникативную ситуацию за пределы общепринятых норм. Отрицание этих норм осуществляется оскорбителем. Таким образом, он сам помещает себя в сферу иррационального, инфернального, магического. Он становится подобен магу, прорицателю, волхву. Это существенно затрудняет возможность пря-

мого обычного взаимодействия с ним, возражения или отрицания того, что он говорит. Использование табуированной лексики не только затрудняет ответ в форме «сам такой», но и полностью блокирует для человека, не желающего или неспособного переходить в табуированные ментальные сферы, дословный или аналогичный вербальный возврат номинации оскорбителю.

Человек воспринимает себя как существующего в двух планах – материальном и идеальном (религиозном, идеологическом, ментальном), считает, что его неотъемлемой, а в некоторых отношениях и важнейшей частью является по-разному понимаемая духовная составляющая. Комфортность состояния человека определяется во многом его душевным равновесием, ментальной стабильностью. Поэтому воздействие на ментальную составляющую – эффективный способ разрушить ощущение комфортности существования человека.

Любое оскорбление осуществляется в сакральной сфере, где любое слово или действие имеют серьезные последствия, меняют самооценку и определяют ментальную стабильность человека. Сакральная направленность слова или действия делает их созидательными (как при комплименте или поглаживании) или разрушительными (как при оскорблении). Оскорбление по своей природе сакрально, тождественно проклятию, разрушающему ментальную сущность человека и, как следствие, способно убить человека физически.

У большинства людей есть навыки преодоления физического дискомфорта (проголодался – поел, замерз – оделся), но полностью отсутствуют навыки преодоления дискомфорта ментального (человек не знает, что ему делать с чувством тревоги, неудовлетворенности, униженности). Отсутствие этих навыков порождает страх и усиливает действенность любого оскорбления. Оскорбленный воспринимает ментальное разрушение как фатальное, катастрофическое, необратимое.

В результате сакрализации разрушается прежняя ментальная самоидентификация объекта оскорбления. Тем самым, он ставится перед необходимостью начинать жизнь с нуля, оказывается полностью дезориентированным. Его новое место в мире никак не укладывается в привычные рамки, и более того, воспринимается изначально как крайне нежелательное. В состоянии дезориентации объект оскорбления становится пассивным и подверженным внешнему воздействию, удобным материалом для коммуникативной обработки.